

**О жизни
и
смерти**

Хорхе Анхель Ливрага
Из книги «Сокровенный смысл жизни» том 3
Я УМРУ... В ПЕРВЫЙ РАЗ?

Хорхе Анхель Ливрага: Поскольку это тема особая и очень много людей задавало нам по ней вопросы, в том числе и во время радиопередачи, мы поговорим о ней в форме интервью, чтобы чисто техническая или ораторская сторона не мешала нам понимать суть того, что хочется рассказать.

Попробуем, насколько возможно, прояснить некоторые грани этой темы. Скажем, вопрос о том, в первый ли раз я пришел в эту жизнь. Или что представляет собой сам феномен смерти. Или почему это происходит со мной, хотя так говорить было бы эгоистично.

Сколько раз мы задавали себе вопрос: но почему же я? Почему это происходит со мной? Или почему тяжелая болезнь поразила моего отца, мать или моего друга, ведь они такие хорошие люди, а в то же время столько порочных людей, столько террористов имеют превосходное здоровье?

Если мы углубимся в этот вопрос и будем рассматривать его с чисто человеческой позиции, есть вероятность, что мы можем даже дойти до мысли, что Бог несправедлив, поскольку нам покажется, что закон, который нами управляет, не является ни по-настоящему совершенным, ни справедливым. Более того, нам может показаться, что он наказывает тех, кто поступает хорошо, и поощряет тех, кто поступает плохо.

Так что давайте попробуем прояснить некоторые «неизвестные», перейдя к вопросам.

Делия Стейнберг Гусман: Первый же вопрос, который здесь возникает и которым обозначена сегодняшняя наша беседа об этой великой загадке, – в первый ли раз мы умрем. Можете ли Вы как философ объяснить нам, что такое смерть? Обычно, с точки зрения общепринятых концепций, смерть воспринимается как нечто окончательное, не имеющее другого решения. Имея перед собой лишь такую возможность, при отсутствии других решений, мы бы хотели узнать, что по этому поводу думает философ.

Х.А.Л.: Мы как философы считаем смерть частью жизни. Сегодня нам известно, что материя и энергия – это две формы одного и того же, что материю можно превратить в энергию, а энергию – в материю. Наша вселенная является экосистемой, в которой, как уже давно говорил Лавуазье, а в более позднее время – Эйнштейн, ничто не исчезает, все трансформируется. И правда, если мы потрем ладони, то заметим, что появляется тепло. Распад клеток эпителия, распад определенных материальных форм приводит к появлению энергии, которая нам известна как тепло.

В свою очередь энергия, например электроэнергия, может вызывать физические феномены: перемещение объектов, работу моторов (это бесспорно материальные явления), а также осуществлять химические процессы, такие как фотосинтез, при котором из энергии солнца, воды и воздуха образуется органическая материя. Это показывает нам, что в природе все экономно. Все снова возвращается туда, откуда пришло, ничто не исчезает, все трансформируется.

Поэтому для философа смерть это не что-то окончательное и необрати-

мое, смерть – это способ продолжения жизни. Почему? Потому что очевидно, что те ботинки, которые сейчас на мне, я могу носить ограниченное время; если я буду носить их дольше, они развалятся и мне придется ходить в носках, а если протрутятся носки, я останусь босиком.

Поэтому, что я делаю, когда у меня рвется ботинок, когда он уже изнашивается? Естественно, я просто покупаю другие ботинки. А что делает Эго, Я, душа, то, что у нас внутри, когда изнашивается тело, когда оно болеет? Так же невозмутимо оно оставляет это тело и берет другое. С таким же спокойствием, с каким я сейчас об этом рассказываю.

Очевидно, что если все наши помыслы сосредоточены на ботинках, это будет ужасно. Потому что если я отождествляю себя с этой парой ботинок, тот день, когда они окажутся в мусорном баке, станет для меня концом света. Потому что я не отождествлял себя ни с ногами, ни с самим собой, но именно с этой парой ботинок.

Но если мне удастся оторваться от чисто физически-функционального восприятия и подняться к духовному, я увижу, что в природе все устроено так же.

Вы могли видеть, как змеи сбрасывают изношенную кожу. И вы знаете, что орлы, когда старый клюв уже не может больше служить им, разбивают его о камни, чтобы избавиться от него и на его месте мог вырасти новый. И точно так же рак-отшельник меняет раковину несколько раз в течение жизни по мере того, как вырастает из старой.

А с телом, которое больше не может служить по причине возраста, болезни или несчастного случая, то же самое делает Бог, или природа, или тот, кто управляет этой системой.

Мы можем прямо сейчас, неловко повернувшись, разбить лампочку. Что мы делаем, когда случайно разбиваем лампочку? Мы ее просто меняем. По тому же принципу будут меняться и тела. То, что продолжает жить, не является собственно материальным, это нечто, что выходит далеко за рамки материи.

Материальная часть просто трансформируется в энергию. Энергия уходит из тела, и тело начинает разлагаться. Химические элементы начинают свободно взаимодействовать между собой, начинают окисляться и быстро сокращаться. Разрушается все, что может составлять органическую материю, и эта органическая материя переходит в состояние энергии и питает другие тела.

Та часть нас, которую мы называем телом, становится пищей для деревьев, для всех растений; те, в свою очередь, затем станут пищей для животных, которые их поедают, а животных употребят в пищу люди. И так повторяются циклы, знаменитые циклы Лавуазье: ничто не исчезает, все трансформируется.

Ну а где же я? Я нахожусь не в теле, которое умирает, я намного больше, намного выше. Мы могли бы провести аналогию с эхом. Если мы попадем в ущелье или место, где горы имеют более-менее вогнутую форму, и крикнем «Эй!», спустя полминуты или минуту, в зависимости от отношения между расстоянием, на котором мы находимся, и скоростью звука,

мы услышим «Эй!». Это и есть эхо.

Когда наступает смерть, это, образно говоря, словно разрушается гора, которая может появиться вновь. Я – это нечто совсем другое. Я являюсь тем, кто издает звук, тем, кто находится далеко позади. Эхо находится перед горой, я же до этого был в другом месте. Однажды я пришел в это ущелье, крикнул «Эй», и ущелье ответило «Эй». Эхо уже здесь было, а я путешественник.

Если мы будем отождествлять самих себя с духовной частью нашего существа, то увидим, что мы странники, что мы путешествуем, меняя тела, как человек меняет одежду или ботинки.

Д.С.Г.: Нам ясно, что, когда мы оставим это тело, мы умрем не в первый раз, а следовательно, и когда мы родились, это случилось с нами не впервые. Но, несмотря на Ваши доводы, есть одно обстоятельство, с которым трудно спорить. Если мы действительно уже несколько раз умирали, почему мы испытываем такой страх?

Х.А.Л.: Вопрос интересный и отчасти касается того, о чем мы только что говорили. Конечно, мы боимся смерти, мы все в определенной степени по той или иной причине боимся смерти, даже животные. Я однажды, шутки ради, поставил на пути у ползущего муравья палец и постучал по полу: тук-тук-тук. Муравей тотчас остановился, приподнялся посмотреть, что происходит, и побежал в другую сторону. Это происходит инстинктивно, никто не хочет умирать, все хотят продолжать жить.

Но мне думается – теперь снова говорит философ, – что боится смерти, должно быть, именно тот, кто умирает. Кто испытывал бы страх перед смертью: тот, кто умрет, или тот, кто не умрет? Тот, кто умрет. Но кто он, тот, кто умрет, та часть, которая умрет? Это наиболее плотная из наших частей – персона.

Я говорю сейчас не о психологии, где персоной называют высшую часть, а низшую – индивидуальностью. Я говорю в философско-эзотерическом смысле, где персона – это то, что преходяще, это физическая часть, обладающая инстинктами и имеющая энергетические, эмоциональные и ментальные характеристики.

Мы очень прочно идентифицируем себя со своим телом. Мы не говорим «у моего тела кашель», мы говорим «у меня кашель»; не говорим «мое тело хочет есть», мы говорим «я хочу есть»; не говорим «мое тело испытывает жажду», говорим «я испытываю жажду».

И порой мы до такой степени являемся материалистами, что ассоциируем себя со своим автомобилем и произносим «мне разбили стекло». Нет, не мне разбили стекло, стекло разбили у машины. Мы ассоциируем себя с квартирой, в которой живем, и говорим «у меня взломали дверь». У меня нет двери, которую могут взломать. Но мы уже не делаем различий.

И точно так же, поскольку мое Я уже настолько ассоциировалось с физическим телом, я чувствую, что это я умру. Этот страх исходит не от Я глубинного и трансцендентного, он исходит от Я преходящего, от нашей персоны, от этого, скажем так, набора клеток, которые образуют наше тело. Отсюда происходит это «Я умру».

И здесь же наступает смерть. Почему? Потому что для персоны смерть –

это, несомненно, реальность.

Прибавим сюда тот факт, что все малознакомое или совсем незнакомое, а также то, что кажется незнакомым, вызывает в нас некоторый страх. Те из вас, кто путешествуют, наверняка наблюдали, как некоторые люди перед предстоящим мало-мальски длительным перелетом крестятся или дотрагиваются до амулета на шее, а кто-то, протягивая руку, говорит «хорошего путешествия».

По большому счету, все неизвестное, все, что может повлечь за собой какое-то глубокое изменение, вызывает страх, потому что мы в значительной мере идентифицируем себя с тем, что является внешним. Потому мы и боимся смерти, что ассоциируем себя с телом, и чем больше мы ассоциируем себя с телом, тем больше мы боимся смерти.

Но если мы сможем перестать отождествлять себя с телом, если сможем понять, что за тем, кто испытывает голод, за тем, кто испытывает жажду, за тем, кто обладает многочисленными желаниями, есть некто, кто эти желания отслеживает, – и поэтому этот некто не является частью этих желаний, – если сможем постичь логически, естественным путем, что мы не телевизор, а те, кто смотрит этот телевизор; что мы не печатная машинка, а те, кто на машинке печатает; что мы – это некий внутренний свидетель, наблюдатель за тем, что происходит, что мы не находимся в том, что происходит, а находимся за пределами своей внешней оболочки и самих себя, – тогда смерть теряет свой трагический смысл, она воспринимается как нечто естественное, как простой переход в мир энергий, и в этом мире энергий мы получим другое тело. Тогда смерть воспринимается намного естественнее и легче.

Наше образование и отсутствие эволюции сознания приводят к тому, что мы в жизни очень привязаны если не к своему телу, то порой к своим вещам. Мы говорим: «Я бы хотел закончить книгу», «Я бы хотел увидеть, как вырастут мои дети», «Я бы хотел построить дом, который мы начали». Можно сказать, что все эти вещи – по сути, проекционные тела, его расширение. Поскольку тот, кто хочет увидеть, как вырастут его дети, потом захочет увидеть, как вырастут его внуки. А тот, кто хочет построить дом, потом захочет обставить его мебелью и, возможно, потом построить рядом бассейн.

И так бесконечно; это уловка, ловушка, в которую мы загоняем сами себя. Правда заключается в том, что нам необходимо осознать, что все проявленное, все, что однажды началось, должно завершиться. И только мы, которые находимся вне материи и которые никогда не начинались, можем продолжать движение вперед, в других формах, на других уровнях сознания. Это настоящее путешествие.

Есть такие философы, которые настолько любопытны, что, хотя не знают точно, что произойдет по другую сторону смерти, не испытывают страха. Они с интересом думают: «Посмотрим, что случится», «Посмотрим, какими мы будем там».

И мы хотя бы из любопытства можем освободить себя от этой привязки к физической части, можем вновь обрести внутреннюю радость, спокойствие в отношении смерти, то, что было присуще нашим дедушкам

и бабушкам и что мы утратили, прежде всего под давлением этого материального мира, который заставляет нас ассоциировать себя с прической, с зубами, с руками, со всем, что имеет физическую природу и является преходящим.

Д.С.Г.: Большое спасибо Вам за этот ответ. Когда слушаешь Вас, кажется, что все можно объяснить просто, но на ум приходит один вопрос, который нам много раз задавали: если мы уже несколько раз жили, возможно, много раз, если мы уже умирали в других воплощениях, оставляя тело, которое было больше не в состоянии служить нам, почему мы абсолютно ничего не помним ни о моментах смерти, ни о других жизнях?

Х.А.Л.: Если бы мы попросили кого-нибудь из сидящих в зале в возрасте сорока-пятидесяти лет: «Расскажите нам о своей жизни», сколько бы времени он говорил, как вы думаете? Предположим, что физически он чувствует себя хорошо и мы предоставили ему все условия: усадили его на диван, чтобы он чувствовал себя комфортно, предложили сока или минеральной воды, чтобы не пересохло во рту, слушаем его очень внимательно и так далее, сколько, вы думаете, он бы нам рассказал?

Очень мало. Через три-четыре часа исчерпалось бы практически все, что он может нам рассказать, все, что он может нам поведать, все, что пришло ему в голову, и все, что не пришло. Так в чем же причина такой огромной разницы между сорока-пятьюдесятью годами, которые он прожил, и четырьмя-пятью-шестью часами, которые потребовались ему, чтобы рассказать нам все, что он прожил?

Причина в том, что мы не охватываем сознанием все события своей жизни. Мы бы говорили о некоторых аспектах нашей физической жизни сегодня, в настоящий момент.

Мы не охватываем сознанием всё. Да, мы помним о каком-то путешествии, о том, когда умер дядя, о том, как однажды отец очень серьезно наказал нас, о том, как служили в армии; и еще в нас живут воспоминания о том, что привлекло наше внимание, нас поразило. Но когда ничего значимого с нами не происходит, оно пройдет, растворившись в своего рода коллективном бессознательном, и мы потеряем способность вспомнить об этом.

Мы можем легко понаблюдать за этим, когда путешествуем. Я только что вернулся из Египта, и со мной путешествовали еще примерно шестьдесят человек. Я уверен, что эти молодые люди помнят о тех десяти-двенадцати днях, которые мы там провели.

И через пять или десять лет они все еще будут очень хорошо помнить об этой неделе с небольшим, которую мы прожили в Египте. Потому что они были поражены, увидев Сфинкса, пирамиды, храмы, на них произвели впечатление наши разговоры, Нил, экзотические места, люди, которые по-другому одеваются, разговаривают и едят по-другому.

Но если через пять или десять лет мы попросим их рассказать о другой неделе, о том, что произошло с первого по седьмое или восьмое марта или апреля этого года, – скорее всего, это были дни, когда у них ничего не произошло, – они не смогут вспомнить, у них ничего

не отложилось. «Я был... я был в Мадриде». – «И что ты делал, что видел?» – «Не помню».

Напротив, о днях путешествия по Египту они скажут: «Я был в Каире, затем в Мемфисе, потом поехал в Асуан и, представляешь, видел еще то-то и то-то». Вопрос в том, что притягивает наше внимание. На самом деле мы запоминаем только то, что притягивает наше внимание.

А теперь перейдем к другой проблеме – почему мы не помним наши прошлые жизни. Я бы не осмелился утверждать, что мы абсолютно ничего не помним о наших жизнях. Есть некоторое количество людей, кто сохраняет воспоминания о прошлых жизнях, но эти воспоминания несколько фрагментарны. Кто это испытывал, тот знает, о чем речь. Это немного похоже на путешествие в Египет: мы помним пирамиду, мы помним поразивший нас храм, мы помним дорогу... но все это разрознено.

Если говорить о людях вообще, почему они не помнят? Я не верю, что они действительно не помнят, однако есть много способов вспоминать. Думаю, что многие из вас общались с маленькими детьми, и вы наверняка видели, как некоторые дети берут карандаш или кисточку и рисуют утенка.

Некоторым детям достаточно проиграть семь нот и показать, как они расположены на пианино, начиная от центра, чтобы они знали, где нота до. Они садятся за пианино и совсем скоро играют так, что кажется, будто они уже раньше знали сольфеджио.

А есть такие, кто не умеет играть. Им бесполезно объяснять, их бесполезно учить, и ничего с этим не поделаешь. Есть и такие детки, которым можно показать, как нарисовать утенка, и они нарисуют утенка, но он будет скорее похож на слона, гору или что-то еще, а они переживают.

У нас у всех есть врожденная склонность к чему-то, мы говорим, что у нас есть способность, есть дар. Откуда же в нас эти способности? Не является ли это одним из способов вспомнить?

Что произошло в случае, например, с Наполеоном, лейтенантом, служившим в артиллерии, который, будучи на своем месте и столкнувшись с определенной ситуацией, внезапно превратился не просто в генерала, но в императора Европы?

Что произошло с Эрнаном Кортесом, который не был хорошо образованным человеком, он даже читать не умел, а стал губернатором, представителем короля на землях в миллионы квадратных километров, и сражался и действовал так, что напоминал Александра Великого?

Что случилось с Писарро? Когда он был на острове Галье, воинов у него было мало, так как многие не хотели дожидаться возвращения Диего де Альмагро и покинули его. Увидев, какая складывается ситуация, Писарро вышел к своим людям, вынул из ножен шпагу и, прочертив на земле линию, призвал их перешагнуть эту черту и отправиться с ним в путешествие.

Из всех воинов только тринадцать осмелились на этот шаг, и спустя годы история назвала этих людей и их предводителя «тринадцать славных». Это похоже на то, как Христос путешествовал со своими двенадцатью учениками. И Писарро, сопровождаемый только этой горсткой никому

не известных людей, которые даже фамилии не имели, потому что между собой называли друг друга по месту рождения, объявил войну империи инков и выиграл ее.

Какая перемена случилась в этих людях? Что им вспомнилось? Что произошло? Откуда к нам это приходит? Если у меня есть склонность к рисованию, то не оттого ли, что однажды я уже научился рисовать? Мы не рассматриваем вещи, которые противоречат логике, противоречат всему тому, что мы знаем. Если я возьму арфу, лиру, любой музыкальный инструмент и, услышав несколько нот, постараюсь сложить из них мелодию, хотя мне не известно, что такое до, ре, ми, фа, мне не известно, что такое скрипичный ключ, что такое диез, но я буду складывать звуки, чтобы получилась мелодия, – видимо, когда-то я уже обучался музыке.

То же происходит и в отношении других врожденных способностей, которые у нас есть, к примеру, ораторского искусства – способности выступать перед людьми. Есть люди, которые, если им сказать, что нужно выступить перед аудиторией, будут дрожать всем телом, потому что для них это что-то ужасное, что-то невообразимое. «Выступить перед людьми? Мне? Как же я смогу? Боже мой!» Их приходится чуть ли не силой выталкивать на сцену.

А есть другие, которые, будучи еще совсем юными, если им говорили: «Слушай, ты будешь выступать перед людьми», отвечали: «Ух ты, вот здорово! А много их будет?» Очевидно, что между ними есть некоторая разница, и этот последний уже выступал когда-то перед аудиторией, потому что в противном случае он бы испугался – ведь соберутся люди, их будет много, и все они будут смотреть на выступающего!

Воспоминание уже только о нашей нынешней жизни причиняет нам боль. Некоторые события оставили свой след, и порой очень горький. Воспоминания, как говорил Амадо Нерво, великий иберо-американский поэт, «приходят, причиняют нам боль и уходят». Кто-то зовет их опытом. Да, это опыт, но это и боль.

Друг, который нас предал; дело, которое не удалось; мечта, которую мы не смогли воплотить; путешествие, которое хотели, не смогли совершить; мужчина или женщина, с которыми нам бы хотелось разделить нашу жизнь, или нашу радость, или просто какой-то момент, но это оказалось невозможно; место, где нам бы хотелось жить, но мы не живем там, – все то, что мы не можем совершить, причиняет нам боль.

И если нас наполняет горечь при воспоминании о том, что произошло за двадцать или тридцать лет, то что же будет, если мы вспомним другие наши воплощения, которых немало, учитывая, что вспоминаем мы то, что нас действительно очень поразило, то, что нас очень испугало.

С другой стороны, вы же согласитесь со мной, что если сейчас я сижу на этом стуле, на другом я уже не могу сидеть. Если я что-то делаю, предположим, печатаю на машинке и слушаю музыку, одному из этих занятий придется стать фоном, оба сразу не могут занимать мое сознание.

Или музыка звучит только для того, чтобы заглушить шум машин с улицы Гран Виа, или я действительно ее слушаю. Но если я действительно слушаю музыку, я отвлекаюсь от письма, которое пишу. А если на-

оборот, я концентрируюсь на письме, которое пишу, музыка станет всего лишь фоном, еще одним шумом, да, гармоничным, но все же просто еще одним шумом среди тех, что меня уже окружают. Все зависит от того, на что мы направляем сознание.

А что мы сказали минуту назад? Где находится наше сознание? В нашем теле, в нашем Я, в нашем текущем моменте, здесь и сейчас. И поскольку наше сознание направлено на нашу семью, физическую, нынешнюю, наших друзей, физических, нынешних, на наши текущие проблемы, физические, на политические проблемы нынешнего времени – мы не можем услышать музыку внутри.

Иногда нам кажется, будто мы слышим что-то отдаленное, нам вспоминается какое-то место, пейзаж, горы; иногда, когда мы смотрим на море или на огонь – на то, что практически не меняется в течение многих тысяч лет, мы пугаемся, будто холодок пробегает внутри, мы будто отрываемся от того, что делаем сейчас.

И в такой момент мы бы смогли что-то вспомнить, но нас это пугает, мы к этому не привыкли, потому что в наших головах крепко засело, что парапсихологические штуки от дьявола, что этим нельзя заниматься. И поэтому, когда мы сидим у костра или на берегу моря и к нам что-то приходит: мы начинаем забывать о том, кто мы, начинаем уходить куда-то... – то мы сразу же возвращаем себя: «нет, я, должно быть, схожу с ума, это наверняка из-за солнца или потому, что я не поел», нужно просто еще раз поесть и прожить этот день, как и все остальные дни.

Что происходит? Концентрируя свое сознание на «здесь» и «сейчас», на Я физическом, мы больше ничего не видим, остается только многоголосоцица форм. Чтобы суметь вспомнить, нам надо оторваться от «здесь» и «сейчас», от Я физического. Чтобы у нас появилась возможность вспомнить нечто другое (что, честно говоря, я никому бы не рекомендовал делать, потому что обычно вспоминается не самое лучшее), нам не нужны странные упражнения, нужно всего лишь оторваться немного от повседневности, от привычной рутины, от нашего тела, от одежды, от того, что мы получаем или теряем.

Если мы сумеем отделиться от этого, если сумеем посмотреть на огонь, на звезды, услышать море, увидеть море, на котором нет ни кораблей, ничего больше, только море и земля, тогда мы начнем уходить от настоящего и к нам начнут приходиться новые образы.

Д.С.Г.: Профессор, Вы часто отвечаете на вопросы до того, как они прозвучали, и Ваши ответы устранили значительную часть неясных моментов, которые я для себя отметила, но есть вопрос, который я бы хотела Вам задать. Он хоть и является двойным вопросом, имеет более или менее единый смысл.

Мне бы хотелось, чтобы Вы как основатель философского движения «Новый Акрополь» рассказали нам, все ли темы, которые Вы сегодня затронули, темы, которые обычно обобщаются под одним названием теория перевоплощения, преподаются в «Новом Акрополе» и почему. И объясняются ли эти темы как религиозное учение, включают ли они аспекты веры?

Х.А.Л.: «Новый Акрополь», как многие из вас знают, в данный момент существует в 35 странах мира, а значит, он представляет что-то из себя, хоть он и невелик по сравнению с тем, какой могла бы быть сегодня многонациональная организация (многонациональная по духу, в духовной части, поскольку она не преследует коммерческих целей). «Новый Акрополь» достаточно велик, и довольно много людей приходят на его занятия, на его лекции, соприкасаясь там с акропольской идеей о новом и лучшем мире, о новом и лучшем человеке.

Эти люди в разных странах не смогут объяснять всё совершенно одинаково, потому что, если вы изучаете языки, вы знаете, что некоторые слова есть в испанском, но их не встретишь в итальянском или французском, и наоборот. Мы не говорим о шведском, где, как я обнаружил, нет слова империя. И мы еще не говорим об арабском и других языках в тех странах, где тоже есть «Акрополь».

Таким образом, за исключением этих маленьких различий, которые неизбежно должны возникать, среди всего, что преподается на всем этом большом пространстве, где есть философы-акропольцы, в общих чертах действительно преподается теория реинкарнации. Но я говорю теория реинкарнации, а это значит, что она преподается не как догмат веры.

Единственное, что здесь преподается, но тоже не как догма, а как нечто неизменное, постоянное, – это три принципа, которые вы видите здесь. Кроме этого, ничто здесь не дается как догмат веры. Почему? Потому что философ, полностью уверенный в чем-то, перестает думать, перестает быть философом, перестает быть собой, перестает быть индивидуально-стью, сливается с массой. В этом состоит проблема убежденности.

Если мы все вместе скажем: «Я верю в этот стул, этот стул божественный, тот, кто сидит на этом стуле, будет богатым, сильным и красивым» и все в это поверим, то мы станем толпой, верящей во что-то, истинное или ошибочное. Если мы скажем: «Каждый, кто сидит на этом стуле, может стать богатым, может стать умным, мог бы стать, есть будет такая возможность», в этом случае нет массовости, а есть сумма индивидуальностей, есть обилие, многоцветье, а это все очень далеко от массовости.

В «Акрополе» ничего не преподается с позиции, которую можно было бы назвать догматичной или религиозной. Преподается определенная теория – для размышлений и для того, чтобы все узнали, какую точку зрения имели разные народы древности относительно этих проблем.

Потому что на самом деле есть вопросы новые, а есть старые. Будут возникать новые технологические проблемы, которые, возможно, не вставали перед шумерами. У шумеров не было проблем с компьютерами просто потому, что, как мы знаем, у них не было таких технологий, какие есть у нас.

Но шумеры, египтяне, инки, китайцы, японцы и, наконец, наши отцы, наши деды и те, кто придут вслед за нами, задавались и будут задаваться вопросами, свойственными человеческому существу: кто я? откуда я пришел? куда я иду? Я родился, а если я родился, то умру, а кроме того, я видел, что умер мой папа, что умер мой дедушка, и я тоже умру.

Меня это волнует, потому что это происходит со мной. В каждом из

нас, я вновь настаиваю на этом, есть некий основополагающий эгоизм. У древних греков не возникали проблемы «срыва потока» элеронов самолета просто потому, что у них не было самолетов, как нам известно, а будь они у них, они были бы крохотными, из бумаги, и я думаю, что на их крыльях не было бы ни срывов потока, ни элеронов, ни закрылков... но перед ними стояла другая проблема – проблема человека.

У греков были дети, которые вырастали, превращались во взрослых, становились стариками и умирали. Это было очевидно всем, и люди спрашивали: «Хорошо, но почему мы рождаемся? почему умираем? куда мы движемся? и что мы делаем со всем этим?» Нас забрасывают в мир, мы едим кашу, растем, на нас начинают валиться проблемы всех видов – физические, психологические и так далее, и когда мы уже изнашиваемся, нас убирают со сцены.

Так думали и греки, и римляне, так думаем и мы, и все на свете. И кто-то спрашивает: «Но что же происходит? Что это такое? Это какой-то своенравный Бог, который где-то прячется и смеется над тем, что происходит? Мы что, находимся в цирке? Мы находимся на какой-то сцене, где всё так затемнено, что нам самих себя не видно, и над нами кто-то смеется?» Нет, все гораздо серьезное, но существуют и эти очевидные противоречия, и эта глубоко человеческая проблематика.

Этими вопросами задавались все люди древности. И мы рассказываем нашей молодежи, какие ответы они давали, что думали китайцы, египтяне, индусы, японцы, какое мнение имела новая философия, какое имеет современная философия. Мы рассказываем о том, к каким решениям приходили они все, чтобы получить возможность в той или иной форме снова обрести свой путь и мочь понимать духовную составляющую, далекую от мертвой буквы.

Одним словом, в «Акрополе» не преподается ничего, что было бы догматичным, если только под догмой не понимать нечто неизменное, в данном случае – наши три принципа, официально зарегистрированные. Других «догм» нет.

Все меняется, все движется, *omnia transit*, как говорили древние, *sicut umbras, sicut naves*, как происходит с тенями, которые завтра станут солнцем в этом внутреннем дворе, как происходит с кораблями, которые выходят из одних портов и прибывают в другие. Мы все находимся в движении, все идем, совершаем путь.

Мы не можем сказать: «Вы, сеньор, и Вы, сеньора, должны быть здесь и только здесь, не двигайтесь отсюда», потому что, пока вы это говорите, сама Земля движется и этот сеньор и эта сеньора, не вставая со стула, уже переместились на много километров от того места, где мы начинали наш разговор. Вся вселенная находится в движении, и мы не можем застыть в псевдо-догмах, скорее, мы хотим учить думать и находить истину.

Д.С.Г.: Время проложило перед нами глубокий ров и приблизило нас к своеобразной форме частичной смерти – к концу нашей сегодняшней беседы. Поэтому хотелось бы задать Вам вопрос, который, как я предполагаю, представляет интерес для всех нас, включая, естественно, и меня. Как готовиться к смерти? Что Вы могли бы оставить нам в качестве совета,

поскольку к этому направляемся все мы?

Х.А.Л.: Я путешественник, я объезжаю в среднем двадцать стран в год, поскольку, являясь основателем этого движения, должен посещать все места, где есть «Акрополь». Так что я знаю, что такое путешествовать. И смерть – это путешествие.

Что мы делаем, когда собираемся путешествовать? Если мы отправляемся в Японию, или в Италию, или во Францию, мы стараемся узнать из брошюр или книг, какая она, Япония, какая она, Франция или Италия, и потом собираем чемоданы. Чтобы готовиться к смерти, тоже надо бы собирать чемоданы. Сбирать духовные чемоданы, которые позволили бы нам удобно жить в мире, где нет материи.

Есть одно старое выражение, которое повторяли наши предки: «У савана нет карманов». Беспokoиться только о деньгах – это заблуждение: «Нет, но я должен оставить деньги своим детям, чтобы они смогли двигаться вперед», потому что, если детям сначала не дать образования, воспитания, то эти деньги пойдут на наркотики. Основой является не материальная составляющая, а духовная.

Мы можем собирать наш чемодан для смерти, но не класть в него ничего траурного, ничего печального. Карлос I Испанский, который был также императором Германии, например, провел несколько репетиций своей смерти, включая укладывание в гроб, чтобы быть готовым к этому. Подобным же образом можем готовиться и мы – собирать чемодан и не бояться.

Это был бы чемодан, в котором что-то лежит, и это «что-то» никто не может ни украсть, ни отобрать. Я провел несколько месяцев в Лондоне, и во время посещения Британского музея у меня украли чемодан со всем содержимым. У меня украли физический чемодан, украли какую-то одежду, несколько книг, лекарства.

Но украли ли у меня мои убеждения, мою веру в человечность, мою веру в бессмертие души, мою веру в Бога, мою любовь к поэзии, к живописи, к музыке, к морю, к солнцу? Нет, этого они украсть не смогли. Не потому, что это не лежит на поверхности, но потому, что, даже если бы меня раздели, это нечто такое, чего украсть у меня нельзя. У меня могут отобрать одежду, часы, но не могут отнять то, что невидимо.

Давайте теперь перейдем к самому процессу смерти. Мы можем представить ее себе как своего рода воровку с огромной косой, которая приходит и угрожает нам. Она у нас просит не просто кошелек или жизнь, а и кошелек, и жизнь. Но если мы пробуждаем свои внутренние убеждения, то у нас появляется что-то, чего она не сможет унести.

Может она отнять у нас нашу веру в Бога? Нашу веру в бессмертие, нашу внутреннюю решимость к постоянству, нашу решимость ковать историю? Нет, никоим образом. Эта воровка унесет какое-то количество лохмотьев, немного материи, да еще какие-то клочки волос или обрезки ногтей, и ничего больше. Ничего по-настоящему ценного – ни золота души, ни жемчужин, украшающих нас не на физическом плане, ни сандалий, в которых можно идти любыми путями, – этого великая воровка не унесет.

Если мы готовимся, читая классиков, если мы готовимся, укрепляя

свой дух, если мы готовимся, по-настоящему идя путем доброты, стараясь нести доброту и благородство в сердце, стараясь иметь то, что называется духовной аристократичностью (которая не имеет ничего общего с фамильной или денежной аристократией), если мы будем способны чувствовать высокую и великую душу, – мы будем подготовлены к смерти.

Если мы можем слушать Вагнера, если мы можем смотреть на прекрасные картины, если мы можем получать удовольствие от беседы, если мы не совершаем ни преступлений, ни грехов, если любовь для нас преобладает над сексом, а достоинство и честь – над выгодой, если любовь к ближним, к родине мы ставим выше любви к своей коже или к своей рубашке, если всё великое мы выдвигаем вперед, а всё значимое – наверх, – то мы будем подготовлены к смерти.

Если мы помогаем солнцу подняться над горизонтом и осветить мир (потому что когда солнце находится на горизонте, всё отбрасывает тени и многое остается во тьме, но когда сияет то, что египтяне называли диском Амона, когда солнце находится в середине неба, даже самые маленькие, даже самые крошечные и незаметные камушки получают свет солнца, и у них нет теней), если нам удастся сделать так, чтобы не было теней и в нашей душе, чтобы тени были только у нас под ногами, но не в голове; если нам удастся достичь такого позитивного отношения к жизни, позиции не оптимистической и наивной, а действительно конструктивной, – то мы будем подготовлены к смерти.

Смерть касается только нас, лично нас, – это вещь эгоистическая. Смерть затрагивает всех нас, однако каждый переживает одно и то же в разной форме. Помню, как во Франции я беседовал с философом Леви, и он сказал мне: «Я заказал молоко на весь месяц. Если бы я умер, молочник продолжал бы приносить бутылку молока. Я буду пить это молоко или другой человек – ему не важно. Так же и мне не важно, кто мне его приносит – тот молочник или другой. Если по утрам, когда я, полусонный, встаю, я нахожу у двери бутылку молока, то мне все равно – я ее беру и уношу, не спрашивая, кто мне ее поставил».

Так же и смерть у каждого личная, своя собственная. Когда мы умираем, мир не заканчивается. В день, когда я умру, останутся поющие птицы, дворники, собирающие мусор, вечером зажжется свет, потом погаснет. Всё останется прежним. Одни люди будут хотеть убить других, одни люди будут любить других, будут дискуссии в сенатах, будут падать или расти акции. Мир не закончится со мной, потому что не с меня он и начался.

Что тогда имеет значение, имеет ценность? Значимым является то, что я сделал в течение жизни. Изменение моего окружения, очищение, которого я за свою жизнь смог добиться для себя и для многих других. Важно то, что это приготовление к смерти готовит нас не только к физической смерти, но и к тому, чтобы жить, чтобы становиться действительно полезными, чтобы становиться действительно теми, кто мы есть, становиться изнутри, и чтобы никто не мог поработить нас.

И мы будем иметь смысл жизни более глубокий, чем та «широкая свобода», о которой говорят люди на улице, чем та политизированная свобода. Я говорю о внутренней свободе, о глубоком ощущении, что мы имеем

возможность делать то, что должны делать, что мы способны быть частью природы.

И когда мы соберем этот чемодан, мы уже не будем бояться ни огня, ни воздуха, ни воды, ни чего бы то ни было другого. Потому что мы подготовим все таким образом, что, когда придет смерть, единственным, что останется ей, будут лишь какие-то лохмотья. И мы почтительно скажем этой великой воровке: «Уноси то, что причитается тебе, а мое остается со мной, я унесу это сам. И я вернусь снова и, может быть, начну снова, в другой форме, и получу новый опыт. И так будет продолжаться, пока я могу совершенствоваться, и не только я, но и все мужчины и женщины, которые со мной соприкасаются. Если когда-то я хотел быть художником и не смог, я буду им в другой раз, если я хотел быть писателем или военным и не смог, я буду им при следующей возможности».

И эта великая надежда ведет нас через время. Надежда, которая даст нам осознание того, что мы поистине бессмертны.

Делия Стейнберг Гусман **Из книги «Игры Майи»** **ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ**

Какая радость, какое счастье! Родился ребенок! Наш сын появился на свет!

Так встречают люди появление нового человека на Земле. Кажется, что всего мало для этого крошечного тельца, которому нужны неусыпное внимание и самые нежные заботы. Поцелуи, подарки, слезы радости и счастья отмечают событие жизни.

Какое ужасное горе! Моя душа разрывается от боли! Я потерял дорогого человека!

Так оплакивают люди исчезновение своих спутников и их погружение в это темное таинство смерти. Слезы грусти, траура и отчаяния отмечают переход души из одного мира в другой.

Мы редко задумываемся над тем, откуда мы приходим, когда рождаемся. И дело не в религиозном или философском обосновании появления душ, Речь идет о вопросе совсем простом: если мы приходим в жизнь, то это потому, что уходим из какого-то другого мира, каким бы он ни был. Разве в этом ином мире мы не оставляем грустных, плачущих существ, когда покидаем его, чтобы направиться в мир живых? То, что наши родители радостно празднуют, не станет ли горем для других нематериальных родителей, которые видят, как покидает их бывшая с ними до этого самого мгновения душа? А когда мы умираем и покидаем Землю, то куда мы уходим? Если мы откуда-то уходим, то куда-то направляемся. В бесконечности неограниченных пределов. И там, куда мы идем, разве не встретят нас с радостным смехом, в то же время, что нас оплакивают на Земле?

Жизнь и смерть – это две стороны одной медали: ЖИЗНИ. Мы, сущие здесь, пришли откуда-то и куда-то направляемся, но никогда не перестаем быть.

То, что люди называют жизнью, – это выраженное материально появление души на Земле. А то, что люди называют смертью, – освобождение души от ее материальной оболочки и ее путь в иной мир.

Жизнь и смерть – две стороны одной медали, два мгновения вечной игры, повторяющей свои витки, которые люди называют циклами.

Вся Природа играет, кружась; день и ночь, Солнце и Луна, сон и бодрствование, детство и старость... Если все вращается, если все возвращается, если те же деревья, что были сухими, вновь покрываются зеленью, если море после отлива вновь наливается могущественными водами, почему же мы, люди, должны были выйти из этой игры?

Антон Мусулин **ИНТЕРВЬЮ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ И ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ**

Чем можно объяснить страх смерти?

Страх того, что нас ждет после смерти, – это страх конца существования, полного исчезновения. Он связан с материализмом нашего времени. Если человек не принимает идею бессмертия души, если по убеждениям он материалист, тогда страх смерти – это страх конца. Ментально мы можем принять идею о том, что все исчезает, но не можем представить, что сами исчезнем с исторической сцены. Потому что мир существует для нас, пока существуем мы, мир есть, потому что мы есть. Нам трудно представить мир после нас и трудно представить мир до нас. И так как мы знаем, что до нас он существовал, то можем вообразить, что он будет существовать и после. Нам трудно представить мир без нас. Страх, вызванный материализмом, ведет к еще большему материализму. Человек цепляется за материальную сторону жизни, поскольку считает, что в течение жизни должен приобрести максимум, взять от жизни как можно больше, чтобы ничего не упустить. Мы думаем, что нам отведено очень мало времени, и поэтому цепляемся за жизнь, и прежде всего – за чувственную сторону жизни. Это – одна из проблем. Если мы и принимаем идею существования души после смерти, то чаще всего лишь на ментальном уровне. Если эта идея не сопровождается внутренней жизнью, религиозной жизнью, тогда, конечно, будет и некоторый страх. Потому что религиозная жизнь приближает к нам это другое, приближает нас к подлинному, к бессмертному в душе. Поэтому важно ощущение священного, ощущение трансцендентальности, которое всегда сопутствует мистическому и религиозному в жизни. Там, где есть мистическое и религиозное чувство, есть и ощущение внутренней реальности. Но даже если мы воспринимаем идею бессмертия

души, мы ничего не знаем об этом «ином мире», в который попадем после смерти. Это усиливает страх, потому что мы всегда боимся того, о чем не имеем никакого представления.

Можно ли при жизни представить то, что происходит после смерти?

Согласно греческой традиции, Танатос, «смерть», – это старший брат Гипноса, бога сна. Смерть и сон близки друг другу, это родственные состояния сознания, хотя, конечно, речь не идет об одном и том же. И то и другое являются подобными состояниями сознания. Когда мы говорим о жизни и смерти, мы говорим о формах существования сознания в проявленном мире. В мире, где есть время и пространство. И, поскольку в проявленном мире все дуально, есть как минимум два состояния сознания: то, в котором мы себя полностью осознаем, и то, в котором мы не осознаем себя. Первое – видимое для нас, второе – невидимое, скрытое; в первом случае сознание направлено наружу, во втором оно направлено вовнутрь. Таким образом, есть дуальность – смерть и жизнь, и мы должны согласиться с тем, что жизнь невозможна без смерти. Все, что родилось, неизбежно умрет. Все, что появилось, однажды исчезнет. Поэтому в Природе смерть естественна, хотя идею смерти трудно принять. Прежде всего, чтобы понимать, что такое жизнь и смерть, надо понять, что жизнь есть сознание, и она движется во времени. Жизнь циклична, она имеет выдох и вдох – выход наружу и вхождение вовнутрь. Малое «я», центр персоны, смотрит вовне. В течение физического существования наше «я» направлено наружу, оно встречается с миром и познает его. Мы испытываем определенные состояния, узнаем, что такое любовь и ненависть; что есть неведение и что значит «ведать». То есть мы узнаем себя и свои возможности. После смерти сознание остается, но исчезает мир, на который мы смотрим. И наше сознание (подобно тому, как это происходит во сне) начинает смотреть внутрь себя. Если в течение физической жизни наше внимание чаще всего направлено только на внешний, объективный, материальный мир, то после смерти мы видим только свой внутренний, субъективный мир.

Наш внутренний мир создавался нами в течение жизни. Он является результатом того, что было с нами во внешнем мире. Мы действовали во внешнем мире, и какие-то свои действия не помним, но нечто внутри нас о них помнит. Все, что мы делали в течение жизни, остается в бессознательном. Наш внутренний мир столь же богат и широк, как и мир внешний, и даже более широк. После смерти наше сознание начинает смотреть на него. И первое, что можем видеть, – наиболее грубое. Мы восходим от грубого к более тонкому; от поверхностного к более глубокому; от материального к философскому и религиозному. Поэтому во всех традициях, когда говорится о посмертных состояниях, сначала есть ад и чистилище, а потом только рай. Но и рай, и ад – это состояния сознания. Ад – это прежде всего состояние души без Бога, без религиозности, без прекрасного, справедливого и доброго. А рай – состояние души, которая в той или иной степени все это объединяет.

Теряем ли мы персону после смерти?

Нет. После смерти мы теряем физическое тело. Что происходит, когда мы засыпаем? Мы перестаем ощущать физическое тело, связь с ним остается, но внешний, объективный мир для человека исчезает. Ты закрываешь глаза и уже не видишь и не слышишь, что здесь происходит. Когда ты засыпаешь, то смотришь внутрь себя. Откуда наши сновидения? Мы смотрим во внутренний мир. Поэтому, когда засыпаем, очень важно думать о чем-то красивом. И мы должны понимать, что после смерти для нас нет внешнего мира, на который мы можем смотреть, у нас есть возможность видеть только свой внутренний мир, а внутренний мир – это мы сами. Поэтому все посмертные состояния, которые мы испытываем, – субъективны. Это нечто, что связано с нами как с субъектами. Поэтому каждый имеет свою Камалоку и свой Девахан, которые он создал во время своего существования в этом мире. Мы не знаем истину о мире, в котором живем, есть только наши представления, наш опыт – положительный и отрицательный. И с этим опытом мы встречаемся потом. Поэтому Камалока и Девахан создаются в течение жизни. Мы испытывали их в течение нашей жизни, но после смерти эти состояния отделяются друг от друга. Когда мы живем, внутри нас одновременно могут быть смешаны состояния Камалоки и Девахана, в одной и той же ситуации мы можем испытывать и то, и другое. После смерти одно отделяется от другого, происходит дифференциация. В жизни все смешано – плохое и хорошее, но в Камалоке и Девахане все будет разделено.

Что можно сказать о Камалоке и Девахане?

Камалока, или место желаний, является чистилищем, или состоянием очищения, отделения духовного внутри нас от всего материального, страстного, вожделеющего. Если человек при жизни очистился от всего страстного, тогда он проходит через Камалоку почти мгновенно. Если же в момент смерти он достаточно сильно был привязан к жизни, к материальному, и его жизненная энергия не полностью израсходовалась, тогда пребывание в Камалоке зависит от силы его внутренних состояний, от его привязанностей. Поэтому пребывание в Камалоке может быть коротким или долгим (максимум в семь раз дольше его физической жизни). Но интенсивность того, что душа испытывает в Камалоке, намного, в несколько раз, сильнее тех же чувств, которые мы испытываем в течение жизни, потому что физическое тело притупляет эмоции и страсти, страхи и привязанности. После очищения человек попадает в Девахан. Слово «Девахан» означает «жилище Богов». В Девахане мы в каком-то смысле подобны богам. Как говорит Платон, «в зависимости от крыльев, которые душа приобрела при жизни, она может подниматься выше или ниже; если у нее сильные крылья, она может подниматься вместе с богами и созерцать свет Единого». Это сказано символически. Платон говорит о крыльях, которые мы приобретаем здесь, на Земле. Своими поступками, действиями, размышлениями, стремлениями мы растим крылья, которые либо смогут поднять нас к Небу, либо нет. В «Египетской книге мертвых» душа изображается в образе Ба – птицы с головой человека. Родина души – Небо,

и, подобно птицам, которые садятся на землю, только чтобы набраться сил для полета, души спускаются на землю, чтобы приобрести опыт, который позволит им подняться еще выше. Девахан соответствует высокой части ментала. Пребывание в этом состоянии длится – в зависимости от заслуг – от семисот до нескольких тысяч лет, после чего происходит возвращение, то есть процесс воплощения. Чем более справедлив человек, тем дольше его Девахан. Как бы то ни было, чем больше в человеке философского, чем больше мистического, чем больше Любви – подлинной, а не направленной к кому-либо или чему-либо конкретно, – чем больше универсального – тем дольше Девахан.

Мы говорим, что человек сам создает свой Девахан и свою Камалоку, и там есть люди, с которыми он раньше встречался. Это его мыслеформы о них?

Что находится в нашем внутреннем пространстве? Воспоминания. Поэтому Камалока и Девахан – это субъективные состояния сознания. Они подобны сну, и мы встречаемся там с другими людьми, но для спящего сон реален. Мы говорим, что сон был иллюзией, но можем это сказать лишь проснувшись. Когда нам снится сон, для нас он более реален, более яркий, чем сама жизнь. В то же время это субъективные состояния сознания, где нет реальных встреч. Если нам кто-то снится в нашем Девахане, то в каком-то смысле мы создаем связь с тем, кто нам снится. Например, Е.П.Б. объясняет, что умершая мать имеет свой Девахан, где есть ее дети, где она счастлива, и эти мысли доходят до ее живых детей и могут играть роль ангела-хранителя. Наши красивые мысли, наши деваханические сны влияют на живых. ХАЛ говорит: «Что делают умершие акропольцы? Мечтают об Акрополе, продолжают там делать то, что делали здесь». Потому что в Девахане и в Камалоке мы продолжаем делать то лучшее или худшее, что делали при жизни. Или, в случае Камалоки, хотим это делать. Само сознание не телесно. Оно имеет свое знание и воспоминания о мире, а также возможность действовать в мире. Подобно тому как в физической плоскости у нас есть руки и ноги, которые позволяют в ней двигаться, в каждой плоскости есть возможность движения сознания. Покидая одну плоскость, оно утрачивает возможность работать на ней, но остаются воспоминания. В Камалоке мы еще храним воспоминания о материальных аспектах жизни, а в Девахане теряем их. В Камалоке мы очищаемся от худшего и несем в Девахан только прекрасные и глубокие воспоминания. Девахан – это очищенное состояние сознания. В Девахане мы помним только хорошее из всей нашей жизни и живем этим хорошим. С точки зрения реальности, с точки зрения Центра, все, что находится вне Центра, реально не существует, это – иллюзия. Ошибка людей заключается в том, что они подходят к реальному с мерками преходящего, а реальное имеет другое измерение, связанное с Вечным. Есть некоторые узы, магнетизм, который заставляет нас встречаться снова и снова, – мы встречаемся, потому что есть нечто общее. Например, в данный момент судьба дала нам возможность встретиться, потому что у нас были общие кармические стремления помимо того факта, что карма могла нас индивидуально связывать друг с другом.

Но мы встретились, потому что находились в некотором поиске; мы встретились, потому что у нас были общие стремления. Как мы уже сказали, чем ближе центр, тем больше возможности встретиться.

Что можно сказать о подготовке к смерти?

Смерть – это момент перехода к иной форме существования. О том, что происходит после смерти, рассказывают разные традиции, разные философские школы. Посмертное существование, Камалока и Девахан, полностью определены жизнью, которую мы провели на земле. Платон, как и традиция Тибета, утверждает, что вся жизнь с философской точки зрения воспринимается, с одной стороны, как долгое путешествие к смерти, и, с другой стороны, как приготовление к смерти. То есть, на протяжении нашей жизни мы готовимся к смерти. И все, что будет потом, зависит от образа жизни здесь, на земле. Если мы принимаем идею бессмертия души, то смерть – это момент, когда мы покидаем не только тело, но и все, что связано с телесным существованием. После смерти мы оставляем здесь все, что накопили за жизнь, унося с собой лишь то, что имеет право на бессмертное существование. В этом аспекте жизнь нужно воспринимать как возможность духовного обогащения. В момент ухода мы можем унести с собой лишь прекрасное, доброе, справедливое, имеющее право на существование в другом, лучшем мире. Идея бессмертия души предполагает больше ответственности перед жизнью, чем в случае человека, не принимающего этой идеи. Другими словами, тот, кто боится смерти, боится и жизни, кто к смерти относится несерьезно, тот несерьезно относится и к жизни. Не бояться смерти – значит не испытывать страха перед жизнью. Подлинное принятие идеи бессмертия души требует от нас более серьезного отношения к духовному аспекту жизни. Поэтому в одной из заповедей в Дельфах было написано «Помни о смерти». Пифагорейцы тоже помнили о божественном и о смерти, о чем говорится в пифагорейских «Золотых стихах». В тибетской традиции есть упражнения, когда обучающийся ежедневно должен думать о смерти, о бренности жизни. Поскольку смерть есть переход к иной форме существования, она традиционно связана с идеей инициации. Смерть – это инициация в иную жизнь. Школы мистерий (в Египте, Греции, других традициях) не ставили своей целью только нравственное усовершенствование; они давали возможность посредством ритуала или церемонии, посредством мистического участия при жизни испытать опыт смерти. Так маленькие дети играют во взрослых, имитируют родителей, тем самым готовясь к взрослой жизни. Хотя в случае мистерий мы не можем говорить о простой игре, в каком-то смысле посредством мистерий человек, как в театре, пропускал через себя то, что он будет играть как актер на сцене жизни и смерти. В начале нашего разговора я говорил о проблеме страха перед неизвестным. Но мы должны согласиться с тем, что если смерть, как говорит Платон, – это переход, тогда умереть в этом мире – значит родиться в другом. Смерть – это одновременно и рождение. Когда мы переступаем порог, то, покидая одну комнату, одновременно входим в другую. Очевидно, что рождение в этом мире является смертью в мире ином. Поэтому можно говорить о двух точках, о совпадении рождения и

смерти, прихода и ухода, мы приходим и уходим через одну и ту же дверь. Платон говорит о двух дверях, проходя через которые души вращаются между небом и землей.

С момента рождения мы начинаем умирать. Каждый день мы немного ближе к смерти, каждый день жизни приближает нас к смерти. В конце концов наступает момент, когда мы встречаемся с ней лицом к лицу. Смерть не является чем-то внезапным, ведь вся жизнь направлена к смерти. Все, что с нами происходит, ведет нас к смерти. Мы можем быть полностью уверены лишь в том, что мы уйдем из этой жизни. Все остальное, что произойдет в жизни, как-то менее определено. Есть множество возможностей, множество образцов жизни. У каждого человека – своя жизнь, но все прошли через рождение, и все должны пройти через смерть. Все мы вошли в эту комнату через одну и ту же дверь; здесь мы можем действовать по-разному, но нас роднят моменты входа и выхода. Можно сказать, что рождение и смерть роднят человека с человеком.

Отрывки из книги С. Крэнстон, К. Уильямс «Перевоплощение. Новые горизонты в науке и религии»

«Моя жизнь, как я ее прожил, – писал К. Юнг в своей работе «Воспоминания, сновидения, размышления», – часто казалась мне рассказом, не имеющим ни начала, ни конца. У меня было чувство, что я был историческим фрагментом, выдержкой, у которой отсутствовал предыдущий и последующий текст... Я вполне мог представить себя жившим в предшествующих веках и столкнувшимся там с вопросами, на которые еще не мог ответить; и я должен был родиться вновь, потому что я не выполнил задание, данное мне. Когда я умру, мои деяния последуют вместе со мной, – вот как я это представляю. Я принесу с собой то, что сделал. Между тем необходимо застраховаться от того, чтобы я не оказался в конце с пустыми руками.

В моем случае это, вероятно, в основном была страстная потребность понимания того, что вызвало мое рождение. Ибо это сильнейший элемент в моей природе. Ненасытное стремление к пониманию, каковым оно было, породило стремление узнать, что есть и что происходит, чтобы дать более полный ответ. Может случиться, что я не перевоплочусь вновь до тех пор, пока миру не требуется подобный ответ, и что мне будет предоставлено несколько веков отдыха до тех пор, пока не потребуются кто-то, кто вновь бы заинтересовался этими вещами и мог бы заново взяться за это задание. Мне думается, что на некоторое время может последовать период покоя, куда вновь не понадобится взяться за работу, которую я делал в течение своей жизни».

Бенджамин Франклин, человек, стоявший у истоков Америки, думал, подобно Юнгу, о своем перевоплощении ради того, чтобы продолжить работу. Он также использовал тему рассказа или книги. Ниже приведен

текст эпитафии, написанной им в возрасте двадцати двух лет, когда он был печатником. (Как странно, что такое написал совсем молодой человек!) По словам Карла Ван Дорена, это «самая знаменитая американская эпитафия». Существует несколько вариантов, незначительно отличающихся друг от друга: Франклин часто переписывал текст друзьям по их просьбе и не всегда вспоминал слова оригинала.

«Тело Б. Франклина, печатника, подобно обложке старой книги, с вырванным содержанием и лишённое букв и позолоты, лежит здесь как пища червякам, но его работа не пропадет, ибо тело, как он верил, появится вновь в новом и более элегантном издании, переработанном и исправленном автором».

На надгробном камне Франклина этой эпитафии нет. Может показаться, что она была праздной фантазией молодого человека, однако письмо, написанное Франклином в возрасте семидесяти девяти лет, показывает обратное: его первоначальная идея возвращения теперь проявляется в более широком аспекте.

«Когда я вижу, что ничто не уничтожается и что не пропадает ни одна капля воды, я не могу полагать, что души умирают, или верить, что [Бог] будет просто наблюдать, как ежедневно исчезают миллионы умов, и возьмет на себя постоянные хлопоты создавать новые. И если так случилось, что я существую в мире, я верю, что всегда буду существовать в той или иной форме и со всеми неудобствами, которым подвержена человеческая жизнь. Я не буду возражать против своего нового издания, надеясь, однако, что опечатки последнего издания могут быть исправлены».

Эмерсон в своих «Журналах» цитирует слова восьмидесятилетнего Франклина:

«Я чувствую, как будто бы вторгаюсь к потомкам, в то время как мне следует быть в постели и спать. Я смотрю на смерть как на необходимость для организма, такую же, как сон. Утром мы поднимемся отдохнувшими».

Эмерсон в своем эссе «Опыт» использует сравнение идеи перевоплощения скорее с лестницей, чем с книгой, но в конечном счете рассказывает ту же самую историю:

«Кто мы такие? Часть цепи, начала и конца которой мы не знаем, уверовав, что их и не существует. На миг пробудившись, мы ощути́м себя стоящими на лестнице: под нами – пролеты, которые мы, кажется, осилили, над нами – множество других пролетов, которые уведут все вверх и вверх, пока не потеряются там, куда не достает взгляд. Но тот Гений, который, как считалось в старину, стоит у ворот, ведущих в сей мир, и каждому входящему дает испить из чаши забвения, чтобы не сочиняли небылиц, видимо, предложил нам слишком крепкого зелья, вот мы и во цвете жизни неспособны стряхнуть с себя летаргию. От рождения до смерти каким-то полусном окутаны наши глаза...»

В эссе «Возмещение» Эмерсон сравнивает жизнь человека с домом:

«...Каждая душа в силу врожденной потребности со временем покидает целостную систему... подобно тому, как моллюск покидает свою прекрасную, но уже ставшую тесной раковину, потому что та не позволяет ему более расти, и начинает постепенно наращивать себе новый дом... И все же

мы противимся этому переходу. Мы никак не можем расстаться со своими друзьями. Мы не можем отпустить своих ангелов. Мы просто не понимаем, что те улетают лишь для того, чтобы их место заняли архангелы... Мы не верим в богатство души, в ее вечность и вездесущность... Мы влачим жалкое существование среди развалин старого дома, где нашли себе пищу, кров и развлечения. Мы не верим, что дух может снова накормить нас, дать нам кров и утешение... Мы сидим и безутешно рыдаем. Но глас Всевышнего повелевает нам встать и идти дальше».

Приведем еще одну цитату Эмерсона из «Номиналиста и реалиста»:

«Секрет мира в том, что все вещи существуют и не умирают, а только удаляются ненадолго из виду и затем возвращаются вновь. Ничто не мертво; люди притворяются мертвыми и терпят притворные похороны и скорбные некрологи, и вот они стоят, смотря из окна, живые и здоровые, в какой-то новой и странной маске. Иисус не мертв; он очень даже жив, как живы Иоанн, Павел, Магомет и Аристотель; временами мы верим, что мы их всех видели и легко можем назвать имена, под которыми они живут».

Неизвестно, помнил ли Эмерсон свои предшествующие жизни, но то, что он с Торо обсуждали воспоминания из прошлых жизней, явствует из письма Торо к Эмерсону от 8 июля 1843 года: «И Хоторна тоже помню. С ним я прогуливался в старые славные времена вдоль берегов Скамандера среди героев и разбитых колесниц».

Случай, который мы опишем ниже, был приведен в «New York Times» от 17 апреля 1979 года. В статье под названием «Англичанка, испытывающая дежа вю, называет руины домом» на четырех колонках была представлена информация от Кристофера Рена из Египта. Более подходящим заголовком мог бы быть следующий: «Были ли открытия известной женщины-египтолога основаны на воспоминаниях о прошлой жизни?»

Все началось с того момента, когда Дороти Иди, в возрасте трех лет, упала с лестницы в своем доме в Плимуте, Англия. Местный врач констатировал ее смерть. «Когда он вернулся со свидетельством о смерти, я сидела на кровати и играла, – вспоминает она. – Затем я заплакала. Меня спросили, почему я плачу, и я ответила, что хочу домой. Меня уверяли, что я дома».

С тех пор у нее появилось ощущение, что она из другого времени, о котором помнила довольно смутно. Дороти прогуливала уроки в школе и целыми днями пропадала в египетском зале Британского музея в Лондоне. Когда девочка впервые увидела в журнале фотографию великолепного храма в Абидосе, она сказала своим родителям: «Это мой дом, но почему он лежит в руинах и где сады?»

В 1933 году, когда Дороти было под тридцать, она поехала в Египет. «Я никогда не уезжала [оттуда]; никогда не хотела уехать». Она устроилась на работу, связанную с раскопками в Египте, приобрела опыт, но в Абидос она отправилась несколькими годами позже. «Как только я увидела горы, я узнала место, где нахожусь. Поезд остановился, и я сошла... Другого места для меня не было».

В 1956 году ей удалось получить перевод в Абидос, чтобы помогать в раскопках и реставрации великолепнейших барельефов времен фарао-

нов. Коллеги Дороти были удивлены ее непосредственным знакомством с храмом: в кромешной тьме она подходила к любому месту, которое ей указывали. Затем она описывала место и каждый раз оказывалась права.

Что касается садов, о которых Дороти рассказывала в детстве, ни один археолог еще не обнаружил их местонахождение, но по прибытии она сделала это открытие. Корни деревьев и ветви все еще сохранились, как и водные каналы.

Она также правильно оценила высоту поврежденных колонн, где отсутствовала крыша храма, и перевела несколько самых сложных и загадочных иероглифических писем.

Дороти говорит, что в прежнем воплощении она была осиротевшей дочерью простого солдата, продавала овощи, потом ее приняли в храм, где проводились ритуалы весеннего воскрешения в честь бога Осириса. «Я не могу вспомнить что-либо из обычной жизни, полагаю, что мне пришлось остаться в храме, к сожалению, я смутно помню процессии. Я помню старого верховного жреца, отравлявшего всем радость».

Это было 3200 лет тому назад, при XIX династии Сети I и его преемнике Рамзесе II. Своего сына, который родился от ее брака с египтянином, Дороти назвала Сети. С мужем она прожила всего два года, поскольку он предпочел женщину, умеющую хорошо готовить и не занимающуюся изучением памятников древности. В течение долгих лет ее знали как Ом Сети, что означало мать Сети, – так принято называть женщин среди египетских крестьян.

Дороти признает, что «ее одиссея от аристократки среднего класса Плимута до сельской жительницы в далекой египетской деревне (где она сейчас и живет на скромную пенсию) выглядит несколько странно». «Ее знание истории и искусства Древнего Египта внушительное, – пишет Рен. – Египтологи часто навещают ее бедно обставленный дом в Абидосе». Джеймс Р. Аллен из американского исследовательского центра в Каире отозвался о ней как о святой покровительнице археологов. «Я не знаю американского археолога в Египте, который бы ее не уважал», – сказал он.

Джебран Халиль Джебран (из книги «Пророк»)

Тогда Алмитра заговорила, сказав:
Мы хотим спросить тебя о Смерти.

И он сказал так:

Вы хотели бы узнать секрет смерти.

Но как вы найдете его, если не будете искать его в сердце жизни?

Филин, чьи привыкшие к ночи глаза

слепы днем, не может снять покрывало с тайны света.

Если вы действительно хотите узнать дух смерти, откройте широко ваше сердце для тела жизни.

Потому что жизнь и смерть – одно целое, так же как одним целым являются река и море.

В глубине ваших надежд и желаний лежит ваше молчаливое знание потустороннего;

И как семена, что спят под снегом, ваше сердце грезит весной.

Верьте этим снам, потому что в них скрыты ворота в вечность.

Ваш страх перед смертью – это только дрожь пастуха, стоящего перед своим королем, чья рука готова отметить его почетом. Разве пастух не рад, хоть и дрожит, что сам король отметит его?

И все же разве не думает он больше всего о дрожи своей?

Разве умереть не значит лишь встать обнаженным под ветер, чтобы слиться, расплавившись, с солнцем?

И разве остановка дыхания не есть лишь освобождение его от беспокойных приливов и отливов, так, чтоб оно поднялось и простерлось без всяких забот в поисках Бога?

Только испив из реки молчания, вы сможете по-настоящему петь.

И когда вы достигнете вершины горы, только тогда вы сможете начать восхождение.

И когда земля затребует все ваше тело, тогда только вы начнете настоящей свой танец.

Михаэль «Энде» (из книги «Момо»)

Ибо так же, как даны глаза, чтобы видеть свет, и уши, чтобы слышать звуки, – так же дано сердце, чтобы воспринимать время. Время, не воспринимаемое сердцем, пропадает так же, как пропадают краски радуги для слепого или для глухого – пение птиц. К сожалению, на свете много глухих и слепых сердец, которые ничего не ощущают, хотя и бьются.

– А если мое сердце когда-нибудь перестанет биться? – спросила Момо.

– Тогда окончится и твое время, милая девочка, – ответил Мастер Хора. – Всю свою жизнь ты как бы возвращаешься сквозь время назад – сквозь все твои дни, ночи, месяцы и годы. Ты путешествуешь, пока не придешь к большим круглым серебряным воротам, через которые ты когда-то вошла. в этот мир. Через них ты опять выйдешь.

– А что там – по другую сторону этих ворот?

– Оттуда приходит музыка, которую ты уже иногда слышала. И ты тогда тоже – часть этой музыки, один из ее звуков...

Он испытующе посмотрел на Момо:

– Наверно, ты этого еще не понимаешь?

– Понимаю, – тихо ответила Момо. – Думаю, что понимаю.

Она вспомнила, как шла задом наперед по Переулку-Никогда, и спросила:

– А ты – не смерть?

Мастер Хора улыбнулся, помолчав некоторое время, потом ответил:
– Если бы люди знали, что такое смерть, они бы ее больше не боялись. А если бы они не боялись, то никто больше не смог бы воровать у них время их жизни.

– А почему не объяснить это людям? – предложила Момо.

– Ты думаешь? – спросил Мастер Хора. – Я говорю им это, когда отпускаю время, – ежечасно. Но боюсь, что люди просто не хотят меня слушать. Они хотят верить только тем, кто нагоняет на них страх. И это тоже загадка.

Притчи

СМЕРТЬ И ТО, ЧТО НИКОГДА НЕ УМИРАЕТ

К Будде пришла женщина: её ребенок умер. Она кричала и плакала. Она была бесплодна и не могла больше иметь детей, а её единственный ребенок умер – вся её любовь и забота. Что сделал Будда? Будда сказал ей: – Я помогу тебе. Но сначала ты пойдешь в город и принеси несколько горчичных зёрен из дома, где никто не умирал. И женщина пошла в город и ходила от дома к дому. И везде, где бы она ни была, люди говорили ей: – Мы дадим тебе сколько угодно горчичных зерен, но условие не будет выполнено. В нашем доме умирали люди. И так было вновь и вновь. Но она всё надеялась: «Может быть... кто знает? Может быть, есть где-нибудь несколько домов, которые не знают смерти». И она шла дальше и дальше, и так целый день. А вечером великое понимание пришло к ней. Смерть – это часть жизни. Она обратная сторона жизни и происходит постоянно. Смерть не есть личное горе, которое случилось только с ней. С этим пониманием она пришла к Будде. Тот спросил: – Ну что, где горчичные зерна? А она тихо улыбнулась, опустила к его ногам и попросила: – Я хочу знать То, что никогда не умирает. Я не прошу вернуть мне сына потому, что даже если это произойдет, он должен будет умереть вновь. Помоги мне найти То, что никогда не умирает.

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ РОДОВ?

В животе беременной женщины разговаривают двое младенцев. Один из них – верующий, другой – неверующий.

Спросил как-то неверующий младенец брата:

– Ты веришь в жизнь после родов?

– Да, конечно. Всем понятно, что жизнь после родов существует. Мы здесь для того, чтобы стать достаточно сильными и готовыми к тому, что нас ждёт потом.

– Это глупость! Никакой жизни после родов быть не может! Ты можешь себе представить, как такая жизнь могла бы выглядеть? – возразил

неверующий.

Верующий в ответ:

– Я не знаю всех деталей, но я верю, что там будет больше света и что мы, может быть, будем сами ходить и есть своим ртом.

– Какая ерунда! – воскликнул неверующий. – Невозможно же самим ходить и есть ртом! Это вообще смешно! У нас есть пуповина, которая нас питает. Знаешь, я хочу сказать тебе: невозможно, чтобы существовала жизнь после родов, потому что наша жизнь – пуповина – и так уже слишком коротка.

– А я уверен, что это возможно. Всё будет просто немного по-другому. Это можно себе представить.

Снова возразил неверующий:

– Но ведь оттуда ещё никто никогда не возвращался! Жизнь просто заканчивается родами. И вообще, жизнь – это одно большое страдание в темноте.

– Нет, нет! Я точно не знаю, как будет выглядеть наша жизнь после родов, но в любом случае, мы увидим маму, и она позаботится о нас.

– Маму? Ты веришь в маму? И где же она находится?

– Она везде вокруг нас, мы в ней пребываем и благодаря ей движемся и живём, без неё мы просто не можем существовать.

– Полная ерунда! Я не видел никакой мамы, и поэтому очевидно, что её просто нет, – воскликнул неверующий младенец.

– Не могу с тобой согласиться. Ведь иногда, когда всё вокруг затихает, можно услышать, как она поёт, и почувствовать, как она гладит наш мир. Я твёрдо верю, что наша настоящая жизнь начнётся только после родов.

Цитаты

Память о том, что я скоро умру – самый важный инструмент, который помогает мне принимать сложные решения в моей жизни. Потому что всё остальное – чужое мнение, вся эта гордость, вся эта боязнь смущения или провала – все эти вещи падают пред лицом смерти, оставляя лишь то, что действительно важно. Память о смерти – лучший способ избежать мыслей о том, что у вас есть что терять. Вы уже ничем не скованы. У вас больше нет причин не идти на зов своего сердца.

Стив Джобс

Я уже твердо знал, чего хочу в жизни, мог отвечать за все свои поступки, вышел из-под власти эмоциональных срывов, стал хозяином жизни и даже смерти, потому что если у человека есть что-то такое, что для него дороже жизни, за что он готов в любой миг отдать свою жизнь, значит, он, фактически, «бессмертен», смерть как таковая, как фактор, определяющий поведение людей, для него уже не существует.

Эдуард Гольдернесс

Смерти меньше всего боятся те люди, чья жизнь имеет наибольшую ценность.

Иммануил Кант

Бояться надо не смерти, а пустой жизни.

Бертольд Брехт

Смерть предстоит всему: она – закон, а не кара.

Сенека

Никто не знает, что такое смерть и не есть ли она величайшее для человека добро. И однако, все ее страшатся как бы в сознании, что она – величайшее зло.

Платон

Если, укрепляя свое сердце решимостью каждое утро и каждый вечер, человек сможет жить так, словно тело его уже умерло, путь будет для него свободен. Вся его жизнь будет безупречна, и он добьется успеха на своем поприще.

Хагакуре

Ведь смерть есть одна из наших жизненных задач, и для ее решения достаточно надлежащего выполнения текущих дел.

Марк Аврелий

